

Андрей Маргулев

**ОСТАВШИЙСЯ
МАРШРУТ**

КНИГА СТИХОВ

Москва

2017

Предупреждение

*Все, что в этой книге может быть принято за правду,
является случайным совпадением.*

Все, кажущееся вымыслом, является правдой...

Остров Рим

и другие обстоятельства

Сколь ни насулит кукушка лет –
Время вычтет, и останется ответ.
Что по осени сочтут – не угадать,
Но сумеь бы иероглиф начертать,
Где причудою судьбы сочленены
Ветви юные с корнями старины,
Где сплетаются мучительным узлом
Две стихии, что зовут добром и злом,
Где навек, перед разлукою за шаг
Ты останешься со мной. Да будет так.

Ты – бабочка на моей попоне,
И я шевельнуться боюсь.
Ах, некрасивый пони,
Стою, на тебя кошусь.

Мне дети щекочат ноздри,
Но – только слезины из глаз.
Я вынесу все эти козни,
Господи, но продли этот час!

Явленья случайного дай мне
Внимать откровенью, пока
К моей нежнокрылой тайне
Еще не подкралась рука.

Гамлет

О, милый Гамлет, смерти нет, поверь!
Ты вспомни детский сон – откуда он, откуда?
То шелест бытия сквозь замкнутую дверь,
Весь мир – тюрьма, когда б не это чудо.

О, милый Гамлет, жизни нет, смотри,
Есть только круговерть тягучих заблуждений,
Где, как незрячие нетопыри,
Бесплодно бьются и глупец, и гений.

Усни, мой друг, умри в себе и вновь
Воскреснешь в том спасительном видении.
Так не жалея отравленную кровь!
Спи Гамлет, скоро пробужденье.

Где, забываясь, станешь вновь искать
Чужой рукою шпаги рукоять.

Грачи, как чайники, кружатся, и блики
По дну тишины рассыпают их крики.

Тяну, запрокинувшись, воздух, и свет,
И звуков настоя дурманящий бред.

Но в эти глотки неизбывное время
Бросает сомнения сорное семя.

И вот уж питье с недоверьем цежу я,
Глотаю украдкой, как будто рискуя.

Как будто, рисуя, предвижу, в тоске,
Как дрогнет рука на последнем мазке.

Тайна прозрения. Тайна причастия.
Тайна мгновенья непрочного счастья.
Тайна «откуда мы?» Тайна «куда мы?»
Все эти тайны смывает годами...

И по ночам, как пугливые дети,
Пальцы сцепив, мы спускаемся к Лете
И провожаем глазами бессмертными
Умерших тайн уплывание мерное...

Смутное время

I

Я слышал 5 минут сегодня голос твой,
Уединившись с трубкой телефона.
Держа ее, как вор, опасливой рукой,
Косился из кабинки воспаленно.

Я 5 минут держал тебя в руках,
Дыша на помутневшую пластмассу...
Я 5 минут дерзал тебя ласкать,
И только не поцеловал ни разу...

II

Как мне жить, если ты не со мной?
Как мне жить, если ты не со мной?
Это ком в моем горле,
Это жало под костью грудной.

Я люблю тебя – эти слова,
Я люблю тебя – эти слова
Рвут мне горло на выдохе, словно,
Твердь асфальта живая трава...

По ручьям воспоминаний
Пробираюсь я к началу.
Удивленья обмелели,
Оголились тайн причалы.

А казалось ведь, когда-то,
Бесконечным будет лето.
Лишь подмигивали даты,
Да выстаивались беды.

Что же делать, если время
Не желает породниться:
Сторонится, да листает
За страницей страницу?

Если время в самом деле
Подводить итог решило
И в архиве заблуждений
Вдруг судьбу мою подшило?

М.

Этот город, как алтарь, над морской волной,
Этот осени закат золотой,
Этот женский силуэт через толщу лет –
Это было и осталось со мной.

Эту первую любовь в том волшебном сне,
Лепет губ и омут страсти хмельной –
Никуда не деть, разве только смерть –
Это было и осталось со мной...

Музыка судьбы

I

Вот так живешь – да и не знаешь,
Что где-то рядом жизнь иная,
К которой ты не причастишься,
И не уложишь в восьмистишьё...
Ну, что ж, спасибо этой встрече,
Которой я теперь отмечен,
Где всё не важным было, кроме
Свеченья тайны, зова крови...

II

В этом мире, где столько зла,
Без тебя я, любимый, жила.
Я хотела стать сильной,
На распахнутых крыльях
Скользя.

Но однажды, куда-то маня,
Ты увлек меня в бездну огня,
И я небо забыла,
И оставили силы
Меня.

В этом мире, где столько зла,
Я любила, пока могла.
Ну, а после – с сумой,
Да с прямою спиной
Ушла.

III

Если бы знал я, чего я хочу,
То без раздумий сказал бы: хочу!
Мне же не важен известный ответ,
Важно открыться, что твой я навек.

Но я страшусь этих слов колдовства
И норовлю поскорей пролистать
Эти страницы романа, где ты
В этих словах обретаешь черты...

IV

Я хотел бы, чтоб ты пела на мои стихи,
Только нет у меня мерить глубину стихий.

Я еще пока не сломлен, но вот только пуст
У души моей светильник, нем горящий куст.

И страшусь любовной муки, призрачных надежд,
И решиться не посмею перейти рубеж...

Так чего ж я замер, словно, в этот час ночной
В образ перевоплощаться голос твой начнет?

V

Про это я тебе не стану говорить.
Мне жалость не нужна, и всем дано прощенье.
Ведь стоит только потянуть за нить,
И там, где кружева, останется крушенье.

Ты в пении моем услышал небеса,
Где Божий дух таится в каждом звуке.
Но не смогу тебе я описать,
Тот мрак, откуда та певучесть, –

Когда я Божьим гласом спасена:
«Встань и беги!» – и нечисть отлетела, –
Свой путь смешала с ужасом без дна,
Да с кровью из поруганного тела...

VI

Твое пенье, любимая,
Словно новая жизнь моя!
Неужели же мимо я
Мог случайно пройти?
В твоём голосе слышу я
Перелетных птиц жалобы,
Или возглас молитвенный,
Что из сердца излит.

И завесы небесные
В этот миг растворяются.
И нисходит прощение,
И даруется свет...
В твоём пенье, любимая,
Обитает бессмертие,
И все длится прощание,
Когда нас уже нет...

VII

«Шел дождь вчера, когда мы расставались...» –
Бессмысленные фразы в голове,
Когда смятение не облечь словами... –
«Кружили по измокнувшей Москве»...

Причудливых фантазий изваянья
На нас дивились, открывая рты.
Но дирижерской палочке внимая,
Мы набрали на музыки следы!

Твои глаза, и голос, и улыбку
Учил я, как молитву, по складам.
И белого рояля звуки плыли –
Из кущей райских явленного нам...

Жизнь вспять не повернуть,
Но я хочу пройти
Оставшийся маршрут
Со смутю в груди.

Жизнь не переписать,
И весь в ошибках текст,
Но все же эта кладь –
Не просто лишний вес.

И как же я хочу,
Не выучив урок,
По новой зачеркнуть
Судьбы своей итог!

Умирал гениальный поэт Мандельштам,
Потому что не мог не дышать.
Про морошку он Пушкина вспомнил слова,
И вдруг тот за собою позвал.
И пошли они высью по мху облаков,
Словно Дант и Вергилий, и был им улов,
И открылась земля им иная,
Где Наташа смеялись и Надя...

Вот книжка записная; я давно
Хотел ее заполнить именами
И телефонами друзей и важных лиц,
Да руки всё не доходили...
Бывало, заносить сюда начнешь –
И тут сомнения: вот этот, эта...
А стоит ли? Уж столько лет прошло,
А всё нет ни ответа, ни привета.
Иль этот видный чел. Уже давно
Он обратился в звук пустой иль символ...
Коллег с давно покинутой работы,
Соратников в проигранной борьбе –
Кого из них внести мне в новый список,
Так, словно в будущего дверь впустить?..
И в мысли вот такие погружаясь,
Бросал я имена переносить
Из старых книжек, да бумажек мятых.
А ныне, посмотрел – уж десять лет
Исполнилось вот этой новой книжке,
Которую я так и не завёл!
И заполнять ее уж смысла нет:
Все телефоны в электронном виде,
И почта электронная, Фейсбук...
И смерть, и разошлись пути, и старость,
Которая скрывать нам велит,
Чтоб памяти не омрачать виденья...
И понял я, что книжка пережила
Свое предназначенье, чтобы стать
Прибежищем случайных этих строк...

Нет, не все мне едино,
Что останется после, и даже
Не в вере дело, будь христианином,
Пастафарианцем – не важно.

Ибо я знаю давно уже –
Укрыты внутри мгновений
Будущих судеб зародыши
Грядущих Земли поколений.

А еще – и в мои прозрения,
По судьбе моей невеликой,
Поколений былых мгновения
Сквозь морок веков проникли!

И нет никакой Вселенной,
И Времени нет, помимо
Вот этой нейронно-генной
Сети, называемой Миром...

Автобиографические стансы

В десятом благостном году
Я выучился на юриста,
Защиты прав и активистов
Готовый к славному труду.

Стремясь достойным помогать
Санировать паразитарий,
Я верил, что пора настанет –
С России снимем зла печать!

Прошло пять лет, и вот уже
То время кажется былинным,
Так резко поменялся климат
В Руси загадочной душе.

Такие пены изо ртов
От вколотого в мозг «величья»! –
И вот уж в праведном обличье
Явились сущности скотов...

Ярмо с гремушками да бич,
А не юриста слог искусный,
Как ни признать нам это грустно,
Успеха могут тут достичь!

И я решил, что мой удел –
Уйти от этих имитаций!
Есть честный труд – к чему метаться? –
В агентстве похоронных дел...

Земля

Случайные гости, не боле,
Микробы на теле Земли –
Какое нам дело до боли
Что мы ей с собой принесли?

Ее мы и колем, и режем,
И взрывами плоть ее бьем...
И леса покров ее нежный
Сдираем в безумстве своем...

И эти зловещие раны
Прощает нам, милости для,
Святой доброты христианка –
Живая праматерь-Земля!

Одною из бесчисленных песчинок
Я осыпаюсь в вечности часах...
Когда б не мысли тайное бесчинство,
Какой б я текст в судьбу свою вписал?

Когда б не мысль, свободная от веса
Разумных доводов и истин прописных, –
Какое б нам открылось благовестье,
Вживленное в пространство числ пустых?

Сегодня я с вами, а завтра –
А завтра не будет меня.
Как что-то затихнет внезапно
Средь гула привычного дня.

И сердце кому-то уколет
Пространства пустого просвет,
Где мялся знакомый, до боли,
Вчера еще, мой силуэт.

А после – и он расплзется
Средь прочих бесчисленных прорех,
И стану я справкой казенной
Не вхожей в хранилище вех...

И мы посмеемся над этим
Дурацким хозяйством земным –
Прекрасные, вечные дети
Из края, где каждый любим!

– Делай, что должен! – Такие слова
Будто сказал кто-то слышно едва.

– Делай, что должен! – Стучится в виске,
Руки когда мы смыкаем в замке.

– Делай, что должен! – И им не пройти
Этот ничтожный остаток пути,
Это спокойное только на вид
Пламя решимости в нашей крови.

– Делай, что должен! – Лишь этот завет
Нас изо мрака выводит на свет.
И не угаснет надежда, пока
Слышим мы эти слова сквозь века...

Остров Рим

Уходит Остров Рим, как будто Атлантида,
Или как Китеж-град
Истории на дно.
Мы можем наблюдать, а можем суетиться –
Сомкнется время над
И вечным станет сном.

Уходит Остров Рим, судьбы моей Титаник,
Неведомо куда,
Не зная, почему...
Уходит Остров Рим, как остов Мироздания,
Где всё грешил Адам –
А Бог прощал ему...

Это страх размолотый в молекулы,
Это дрожь на световой волне...
Палачом, скорее, а не лекарем
Время в этой трудится стране.

И когда клочок лазурный неба
Пробивает грозный небосвод,
Мнится нам, что прохудился невод,
Что открыт к бескрайнему проход!

И, забыв одеться по погоде
И набрать в дорогу сухари,
Мы пускаемся вперед, к свободе! –
В рабстве оставаясь изнутри...

Я вышел из Альфы в свой путь до Омеги –
Запуганный, робкий школяр.
И толком еще ничего не умея,
Себя по другим измерял.

И был я бездарен, и жил чужестранцем,
Как в заколдованном сне.
И показаться боялся я странным,
Мечтая таким быть, как все.

И много в пути повидать довелось мне
Средь грязью наполненных ям,
Пока пробивалась сквозь голоса ломкость
То ль речь, то ли песнь моя к вам.

И, может быть, поздно, но все же сумел я
Понять, что затем мы в пути,
Чтоб расстоянье от Альфы к Омеге –
Своею дорогой пройти...

Из незабытого

Я тоже бы, возможно, там подох,
Когда призвался б на полгода ранее...
То был блатного мира уголок,
Жестокости обыденной за гранью.

Я доходягой, без лица, хромал,
Примерзший хлеб от досок отдирая...
И знала забайкальская зима,
Как беззащитных доводить до края!

И места спального я даже не имел,
Кочуя ночь от ночи по бараку...
Пока не повезло вдруг крупно мне:
Призыва прошлого там умер доходяга!

И жены офицеров, веселясь,
Какой-то тряпкой гроб его обшили...
И пухом стала для него земля,
А мне постель его – прибавкой жизни.

Из ниоткуда в никуда
Я пробираюсь – выбираюсь,
Когда по дну, когда по краю,
Походкой легкою шута.

И в этом танце напоказ,
На грани верного паденья,
Я вызываю сожаленье
Или презренье чьих-то глаз.

Ведь я бы мог... Да нет, друзья,
Не мог бы – в том-то все и дело.
Играть заставить можно тело,
А вот с судьбой шутить нельзя.

И пусть порвется эта нить,
Но в сообщенье издалёка
Вам явится мой танец легкий...
С усмешкой горькой, может быть.

В моей загадочной стране
Одно забвение в цене.
И непременно тут и там
То чей-то стон, то чей-то срам.

Но только для чего-то ведь
Нам здесь назначено гореть,
И пропадать в ее снегах,
И тосковать по ней в веках...

Я, конечно же, космополит,
Враг границ и «народных традиций».
Только русской речью кровит,
Когда голос из сердца родится!

И нося апатрида ярлык,
Все же я никакой не «безродный»:
Моя родина – русский язык,
На какую б ни стал я дорогу...

Мне кажется, детские годы
Я вижу почти наяву.
То были тяжелые роды
Судьбы, по которой живу.

И эти душевные травмы
Свербили ночами не раз,
Пока уже взрослые драмы
На них не легли, словно пласт.

Ну, а теперь, когда старость,
Как ворон, снижаясь, кружит,
Я знаю уже, что не стану
Равняться по мненьям чужим.

И – не боясь осуждений,
И – без оглядки на рок,
Я сам разберусь, что мне делать
В отмеренный Господом срок.

Я рос к этой тайной свободе,
Ломая запретов печать...
И только по-прежнему бродит
Во снах моих детства печаль.

Мой домик, мой дворик,
Таганский мирок.
Я жил, как затворник,
И был одинок.
Но были в оконце
Видны купола,
И тополя, в солнце,
Зелень текла.
И мнился чертогом
Мой бедный приют
Под золота тогой
Закатных минут...
Спасаясь от «Скотского
Хутора» мглы,
Я в «Шествии» Бродского
Словно бы плыл,
И Мандельштама
Обугленный слог
Стал мне, как «Камень»,
Твердь средь болот...

Век тот железный –
Давно уже хлам.
Нечисть пролезла
В покинутый храм.
Нету ни дворика,
Ни тополей...
И, всё же, толика

Жизни моей –
Не растворилась
Течением лет:
Друг мой, старинный,
Твой вижу я свет!
Пусть ты придавлен
Тушей дворца,
Но былью давней
Волен мерцать.
Словно из стен твоих
Выйдет вот-вот
Теней заветных
Смешной хоровод...
И я узнаю,
Как просто шагнуть
В пройденный нами,
Спасительный путь.

Этот мир – придуман не нами.
Мы, скорее, придумали тот.
И разгадку узнавший в финале,
Никому о ней не донесет.

Но пока еще времени горсти
Под ногами моими шуршат,
Оба мира, как званного гостя,
Не отпустят меня ни на шаг.

И с обоими я не согласен,
И в обоих я вижу изъян...
И спасенья ищу от напасти
Принадлежности стаду землян.

Поднимите же Господу веки! –
Только это я им и сказал...
И смиренные, словно калеки,
Отвели оба мира глаза...

Единственная

Она была такую не всегда.
И я навеки это не забуду.
И наша жизнь была подобна чуду.
И не пугая, мимо шли года.

Она была такую не всегда.
И радостью навстречу мне летела.
И были не поврозь душа и тело,
Не тесен кров и не горька еда.

Она была такую не всегда...
Я на нее смотрю, не понимая,
Как женщина, все та, на вид, родная
Вдруг растворилась в прошлом без следа?

«Она была такую не всегда».
Так в фильме говорит, с женой знакомя,
Умерший. Из небесного покоя.
В названье фильма слово «красота».

Завтра была война

Три четверти столетия назад
Расстрел был деду отменен Судом Верховным.
Как будто смерти отступил вдруг холод,
И проступила из-за стен Казань,

И ожидалось: будет пересуд,
Который страстотерпцев оправдает,
И запах жизни бесконечно давней
Готов был рока пересилить суть...

Ах, если бы не сорок первый год!
«Война все спишет» – и она списала...
Кормить врагов, когда самим-то мало?
И дед в тюрьме от голода умрет.

«Позарастали стежки-дорожки...» –
Только для памяти нет их дороже.
«Позарастали мохом, травой...» –
Только там голос мне слышался твой,

Там, где листва шелестела, что это
Вовсе у нас не последнее лето,
Что неразлучны теперь навсегда,
Где нам украдкой журчала вода...

Просто они этой ложью невинной
Крестный нам путь усталили, как видно...
Кто их осудит?.. Дорога легка
Коли попутные есть облака...

Вот август. Пора покориться
Склоненью орбиты земной.
Листает, листает страницы
Бесстрастную, век мой, рукой.

Ну, что же, своею дорогой
Я шел, повинуюсь судьбе,
И перед последним порогом,
С усмешкой скажу я себе:

– А что ж ожидал ты, проныра,
Найти в этом райском саду,
Ломая заветы у мира,
Как хакер, себе на беду?

Видать, ни в одну еще пропасть
Заставит нужда заглянуть,
Пока не просрочился пропуск,
Пока мне с тобою так просто,
Как жизни познавшему суть!

Что делать мне со временем? Не знаю...
Какая-то воронка неземная
Его сосет, и щепкой в нем кружусь я,
В неведомое устремляясь устье...

А я еще ведь не успел обжиться
Амебою в фотонно-гравитонной жиже.

Тростинкой мыслящей, из темной из материи,
Еще ведь к звездам не пророс меж терний я...

Ниточки связи непрочной
Режутся быстро и точно,
Словно скольженьем косы.
И вот уже невесомый,
В омут забвенья несомый,
Скрыт я от взглядов косых.

Скрыт от страданий и горя,
Скрыт от мятежного моря
Неукротимых страстей...
Тот, у кого я в ладони
Был, как в родительском доме,
Вновь за меня на кресте.

Но и пред жалом у смерти,
Будем дерзать мы, как дети,
Тайные сути найти –
Звездного неба над нами,
Тверди земной под ногами,
Сердца биенья в груди.

Я говорю себе: не надо торопиться –
Вернуться из ушедших вереницы
Еще не удавалось никому.
Не по своей, конечно, мы тут воле,
Но ведь и на потусторонней доле
Не зря такой готический гламур.

Я говорю себе: не надо суетиться,
Уподобляясь неразумной птице,
Летащей на запретные плоды...
Жизнь безграничной наших удивлений,
И взлеты в ней, и грешные паденья –
Лишь перьевые на небе следы.

Там, на небе, как по щеке дыханье,
Неясные, как детские мечтанья,
Роняет ангел перья из крыла!
И я шепчу: не надо волноваться,
Пока храним ты этим волхованьем
Из дали, что бездонна и светла...

Я Библию эту читаю
На древнем судеб языке,
Как будто, в стремлении тайну
Добыть из следов на песке -
Пока еще мрак непогоды,
Лишь только, нависнув, грозит,
И роли покуда пригодный,
Ютится в груди реквизит...

А Библия с каждой страницей
Пророчества шлет все страшней.
И кажется, не уклониться
От Дантовых хищных путей.
И вести благой я напрасно
Все жду в каждой новой главе...
Зияет там, вырванный с мясом,
Спасительный Новый Завет!

Работа курьера –
Не бог весть карьера,
Но держит, как сеть паука...
Свобода маневра,
А также манера
На брэнность смотреть свысока.

Сверкая оч(к)ами,
Я под облаками
Маршруты, как нити, кладу.
И словно стежками,
Латаю шагами
Шальную на сердце беду.

Меня не напрасно
Вы ждете, как праздник,
И дверь отопрете, спеша:
Сквозь темень и холод,
Принес я вам повод
Неровно слегка подышать!

И если однажды
Вам кто-нибудь скажет,
Что нет уж давно меня тут, -
Не думайте даже!..
Я просто с поклажей
На адрес далекий бреду...

Дадин

По России, с плакатом, один,
Шел единственный гражданин
Средь свихнувшихся и равнодушных.
Ставший островом в топи из лжи
И спасительной сушей.

Он всходил над толпой, как пророк,
Как проросший на камне цветок,
Беззащитный, но и непокорный.
Заплатив за свободы глоток
Перехваченным горлом.

Я здесь умру – промолвила душа.
И замерла, почти что не дыша.
Глаза закрыла, и ее рука
Повисла, невесома и тонка.
И понял я, что это навсегда -
Окраина Вселенной, где беда,
Где и без стен надежней, чем в тюрьме,
Где воля – в матери сырой земле,
Где ни виновных, ни невинных нет
В бредущих колеёй кровавых мет...
Я здесь умру – услышал я с небес,
И стал я ветром, шевельнувшим лес,
Стал облаком, стал собственной судьбой...
Прости меня, коль сможешь, ангел мой!

С картонным мечом и в бумажных доспехах
Я здесь появился как будто для смеха.
А я ведь и рад был доставшейся роли –
Как будто бы не был из плоти и крови.
Как будто не ведал о веке железном,
Чей посох смертелен, чья поступь над бездной...
И вот, когда ужасом был я настигнут,
То, погружаясь в смятения трясину,
Коснулся меча рукояти картонной...
И тут, как волною материи тонкой,
Я поднят был духом героев бывшего –
И стойкость во мне воплотилась их снова...
Когда нет надежды, и гибель вокруг –
И в жесте быть может спасенье, мой друг!

Быть

Не крепость дом мне и не храм,
Не удержать тепла и мира
Ему среди чумного пира,
И в нем не жить покойно нам.

И лучше Быть, чем холить быт,
Пока судьбы сучится пряжа,
И сторожит замок пропажа,
И бездна из угла сквозит.

И в строй развернутых знамен,
Из плена вырвавшись обоев,
Приду я Быть самим собою,
Высвобождением воскрешен.

Путь выбирая вместо пут,
И подотчетный только небу,
Я в нем одним лишь звездам внемлю,
Прокладывая свой маршрут.

И если смерть дано обрести,
То смердом уж не стать вовеки:
Вдали, где разомкнутся веки,
Нас много, знавших слово Честь.

Дети вырастают, растворяются,
Обрастают собственной судьбой.
Только жены делят, словно странницы,
Путь-дорогу общую с тобой.

Не пытайся с ними разделиться,
Бросить крест и воз свой облегчить.
Понесутся кони, и возница
Захочет демоном в ночи...

Сонет

Безвременье. И сердце рвет тревога.
На диске лунном клоки облаков
Пронесятся знаменьями от Бога,
Под завывающий из бездны зов.

И кажется порой, что на краю
Израненной Земли один стою.
И только сердце шепчет: подожди,
Твое предназначенье - впереди...

Как зернышко оброненное здесь,
Таись покуда, притворясь песчинкой,
Чтобы найтись в урочный час причиной
Предсказанному: саду цвести!

Час этот уже вечность ждет Земля,
Цветенья предназначенная для...

Злой мальчик закричал: «Стоять!!» -
Рванувшись из кустов.
Он обернулся, и струя
Ударила в лицо...

«За что же так? Зачем же так?
Как поднялась рука,
Чтоб наркоты добыть дозняк,
Напасть на старика?»

Слова такие, боль мира,
На разный на манер,
Дорогою, все повторял
Ограбленный курьер.

И всю дорогу перцем жгло.
И жал обиды ком...
А впрочем – даже повезло:
Не битой, не ножом...

Море

Я море полюбил, когда
Бескрайние увидел воды,
Где ветром уносило вдаль
Из мест лишения свободы.

Мне открывалось сквозь туман,
Как держит море неба своды,
И волн дыханью я внимал
Из мест лишения свободы.

И жизнь лежала предо мной
Бескрайним морем, и как будто,
Ничто не предвещало буйства
Стихии в дымке голубой.

Я рос, и уплывали дни,
И море памяти питаю,
Я словно бы стоял у края,
Того, что уж не изменить...

Не укротим мгновений бег.
Не досягаема свобода.
Стоит у моря человек.
Он помнит. Только и всего-то...

Человек читает книгу. Он не ищет в ней секреты.
В нем свершаются процессы, что доступны лишь богам.
Сотворятся пространства, учреждаются заветы,
И в саду Эдемском Еву ищет пламенный Адам.

Человек читает книгу. Наравне уже с Сократом
Он всеведущ стал настолько, что не знает ничего.
То бесплотен, словно ангел, то бездонен, словно атом,
Ищет в россыпи словесной свое с вечностью родство.

Он читает и летает вместе с поездом в тоннеле,
По орбитам дальних странствий, чередой подземных
царств.
И хоть сердце человека бьется словно на прицеле,
Но с дороги не свернет он и героя не предаст.

Человек читает книгу. Звезды падают и гаснут.
Искривляются пространства. Истекают времена.
Ах, как быстро поезд мчится. Жизнь напрасна – но
прекрасна!
Недочитанною книгой притворяется она...

Немцов мост

Борис Немцов

Четыре пули. Больно не было.
Удар – и медленно дыша,
Уплыла в небо онемелое
Моя бессмертная душа.

Я был убит... И вы поверили?
Нет, это чья-то суета.
Мне просто равным стать доверили
Средь удостоенных креста.

Мне просто честь была дарована
Ударить в колокол с высот!
Я жив, покуда помнит родина
Мой холодеющий висок.

Немцов мост

Здесь, на мосту, свободней, чем на палубе.
Мы над Москвой плывем по облакам...
Вот только нет тебя, с кем я на пару бы
Родство души читал бы по губам...

Здесь иногда штормит и ветры мечутся,
И скалит зубы нечисть над бортом...
Но вот нигде – не выйдешь так навстречу ты,
И жизнь на суше – нам уже не то!

Здесь на мосту всё строже и контрастнее.
Здесь жизнь и смерть – не могут разойтись.
И если пасть – то жертвой не напрасною.
И если жить – без страха, как Борис...

В ожиданье тебя, моей вести благой,
Я брожу поутру над Москвою-рекой.
Или, может быть, просто себя нахожу,
Охраняя меж жизнью и смертью между.

И прекрасное небо глядит на меня,
И уходит вся горечь вчерашнего дня,
И мне хочется верить, что буду прощен,
Вместе с родиной грешной, крещенной мечом.

Москва – как раскрытая книга,
И мост в ней закладкой лежит.
Оскал азиатского ига
Топорщит Европы прикид.

И горе тому, кто посмеет
Покорность лукавую пнуть.
И станет уже не до смеха
На крестный ступившему путь.

Какая ж страница раскрыта?
Какого творенья пролог?..
Парит на распахнутых крыльях
Окрашенный кровью пролёт...

Ребята, спорите напрасно вы,
Мы на мосту стоим не зря.
Мы с площадью здесь вровень с Красною,
Где приговор и казнь творят.

И коль вам честь блюсти мерещится
Тяжелой ношей на хребте –
Расслабьтесь: не обделят резчики
Чертой меж чисел на плите!

Уж слишком упрямые люди
Выходят дежурить на мост.
И путь им туда был не труден,
И быт по-военному прост.
И все меж собой – одногодки,
Что призваны в час роковой.
И нет им ни брони, ни льготы
Не выйти в навязанный бой.

Мемориал

В самом центре империи падшей,
На границе незримой войны,
Ты стоишь перед совестью нашей
Знаменателем общей вины.

И как будто последнее слово
Здесь до нас проникает сквозь высь
Завещаньем живым от живого:
«Не сдавайся. Не бойся. Борись».

Я вас люблю, мои друзья!
Друзья по общему служенью.
Не выйти нам из окруженья,
Но сдаться тоже ведь нельзя.

У этой пристальной стены,
У этой пристани внезапной
Мы всё ещё перед глазами
Плывущей в сумерки страны.

И не маячит свет вдали,
И не написан текст герою...
И только политая кровью –
Навеки наша пядь земли.

Этот путь, что от ГУМа пролег,
Повторяем мы, словно урок.
Мимо Лобного места, туда,
Где остался Борис навсегда.
Не на кладбище – там его прах,
А вот здесь, у стены, на часах,
Охраняя последний рубеж –
Человечности остров надежд.
Остров чести среди срама и лжи,
Где убили его... А он жив.

Сквозь облака – просвет лазурный,
Как светлый памяти исток.
И снова ветры нас не сдули,
И снова ливень смыть не смог.

Все наши вины, наши беды
Здесь растворит любви настой.
И черное не станет белым,
Не потеряет силу соль.

И в этом бале-маскараде,
Где век резвится волкодав,
Мы все представлены к награде –
Жить, первородства не продав...

Зонтик в положенье «на плечо!» –
Не ружье, а знамя полковое.
Не скажу, что нам мол, нипочем,
Если буря мглою небо кроет...

Мы не из железа, как и он,
Нам назначенный впередсмотрящий.
Флаг нам в руки! – или просто зонт,
У кого-то в нимб переходящий...

Проходя мимо Лобного места,
Ты не знал, что еще триста метров –
И закончится жизнь.
Там, в селеньях Небесного Рая,
Куда был вознесен ты так рано,
Что открылось тебе, расскажи?

Может зря мы так жаждем Свободу,
Коей тут не случалось от роду,
Лишь плодя суету?
Может, лучше у Леты погоды
Ожидать нам, в надежде, что воды
Труп врага пронесут?

Но Москва перед нами – не Лета...
И стена. И не слышно ответа.
И пустыня, и холод окрест!..
Только машут цветки головами,
Что-то знают они, но словами
Не откроют секрет...

Что он сделал для России?

Ну, что он сделал для России? –
Меня в пятьсотый раз спросили.
И я в пятьсотый раз ответил –
Он просто был, как свежий ветер,
Средь вони подлости и лжи,
Не согласившись им служить,
Он просто шел вперед, по краю,
С вранья покровы все срывая,
И пролил кровь за эту честь:
Свидетельствовать – правда есть!

Ковчег

Здесь спят лампы по ночам,
И башни острые торчат,
Как будто когти сатаны
Среди терзаемой страны...

Но, сокрушаем, не исчез
Наш небу вверенный ковчег,
Ковчег цветами на крови,
Где теплится завет любви...

На Немцовом мосту

Мы выходим на «марш перемен» –
Круглосуточно и каждый день.

Вдоль гранита, вперед и назад –
Всепогодный охранный наряд.

Вдоль границы меж Светом и тьмой,
Караул из цветов где живой...

Это «марш перемен», где цветы
Сокрушают гранит немоты,

И слагается памятный знак,
Каждым, в марше том сделавшим шаг!

Когда в шесть часов бьют куранты Кремля,
Играя в имперскую силу,
Всхожу я на мост, как на борт корабля,
Беру под охрану Россию.

Россию – не место на карте и не
Химеру с двумя головами,
Готовую выплеснуть «праведный гнев»
В любого из «тех, кто не с нами»,

Не действия срамного «вставанья с колен»
Праобраз ее бесноватый,
С печатью «крымнаш» на кирпичном челе,
Скрывающем мозг его ватный.

Беру под охрану Россию добра
И состраданья людского,
Россию свободы – одну из наград,
Достойных Бориса Немцова!

Песня о Немцове

В Москве, на мосту,
Замедлите шаг у цветов.
Они с той поры,
Как мост обрел имя Немцов.
Застреленный в спину
Он должен был тут умереть.
Да только, как видно,
Есть что-то сильнее, чем смерть.

Отсюда – и в вечность
Дорога пряма и легка.
Шагнуть – и над речкой
Уплыть навсегда в облака.
Не бойся взглянуть
Даже горестной правде в глаза.
И снова, и снова
Спеши нам о ней досказать.

В Москве, на мосту,
Каждый день нас встречает Борис.
И в сердце стучит:
«Не сдавайся, не бойся, борись!»
Спасибо за то, что
Ты с нами по жизни идешь,
И сумрак полночный
Не ставишь и в ломаный грош.

Часовой нелюбви

Песенка на посту

Мне не хочется уже ничего.
Мне не верится почти ни во что.
Я живу лишь потому, что живу.
Вот такая приключилась беда.

Я иду на свой пост, как на казнь.
Я не встречу там тебя никогда.
Ты придешь, и скажу я: «Привет».
И продолжу глядеть в никуда.

Потому что – нет слов у меня,
Слов, способных сотворить чудеса.
И от этой немоты, пред тобой,
Как плевков я, а не божья роса.

Мне не хочется уже ничего.
Мне не верится почти ни во что.
Я живу лишь потому, что люблю.
Хоть не станешь ты моей никогда.

Твое тело – запретная тема.
Твое сердце – безмолвье ларца.
Я живу, я дышу твоей тенью,
Силуэтом, мерцанием лица.

И скольжу я под небом свинцовым,
По булыжной навек мостовой –
Околдован тобой, окольцован
Нелюбви твоей мертвой петлей.

Чужая, чужая, чужая
Стоишь ты, не глядя в глаза.
Ни слова, ни жеста. Летая,
Куда б он тебя ни позвал.

Мороз, заморозь мое сердце!
Оно пережило свой срок.
Со старостью нищей соседство
Любви не приходится впрок...

Мне чего-то опять не хватило,
Чтобы нужное слово найти.
И не берег желанный, а льдину,
Я вдруг встретил к тебе на пути.

Не бросай, протяни свою руку,
Я еще не успел доказать,
Как могу я, бессмертье воруя,
Жить, твоим повинуюсь глазам.

Ты есть у меня, и покуда
Прядется судьбы моей нить,
Я буду, смиряя секунды,
С лица драгоценного пить

Насмешку, печаль, безмятежность,
Смятенье, и жажду, и боль...
И – нерожденную нежность
Непрожитой жизни с тобой.

У меня для тебя ничего, кроме слов.
У меня от тебя ничего, кроме снов.
Как жилось бы, когда мы так сделать могли,
Чтоб слова расцвели и сны в явь проросли...
Не гони ты меня ну, хотя бы за то,
Что лишь смею молиться на имя твое,
И брожу, запинаясь, меж явью и сном,
И кружу одиноким осенним листом,
И ложусь тебе под ноги, день ото дня,
Всё на что-то надеясь, всё куда-то маня...

И мне с тобою – до конца,
О, ты, тщета моей любви,
То ли гореть, то ли мерцать,
Как этот дар ни назови...

Я так хочу тебя забыть –
О, ты, тщета моих надежд!
Да только скальпелем судьбы
Сочится сделанный надрез...

Что же мне делать, куда от себя убежать?
Хищные птицы всё ниже и ниже кружат...
Я не хочу подыматься, чтоб снова упасть.
И вместо близости пить нелюбви твоей яд.

Я не хочу каждый миг по тебе тосковать,
И, появленье твое ожидая, как манны с небес,
Снова и снова бессильные комкать слова,
Шифр подбирая надмирной дороги к тебе...

Совсем мы разные с тобою,
А все мерещилось – могли
Сойтись, как «гора с горою»,
Среди доставшейся нам мглы.

Я выдумал тебя иную
И грезил встречей – другой:
Я к свету мотыльком тянулся,
А там стерег меня – огонь.

Я могу иногда немоту одолеть,
Воспарить к небесам и пробиться сквозь твердь,
Только ровно дышать не умею,
И за ложной гоняюсь я целью...

Потому-то мой ангел ко мне не спешит,
И тебя я теряю среди судеб чужих,
И любви моей голос все тише
Посреди нелюбви твоей слышен...

Частица «не», частица «ни»
Давно мои туманят дни.
Лишь та, с косой, придет когда,
Услышу – «да!»...

И проплывая над тобой,
Заплачу, вспоминая твой
Нескладный ропот, где одни
Частицы «не», частицы «ни»...

**Сочинение
на заданную
Еву**

Мое сердце умирает от нежности,
А в груди расцветает весна.
А года – что года? То погрешности
Расстоянья, разделявшего нас.

Рассказал бы мне кто – не поверил бы,
Что у края неприметной судьбы
Ты цветком вдруг прорастешь мне приветливым
И заставишь про забвенья забыть.

И объятые земным притяжением,
По неведомым орбитам летя,
Мы с тобой навек, моя женщина,
И любви моей родное дитя!

Живя в моем воображении
И воплощаясь наяву,
То девочкой представ, то женщиной,
Ты держишь сердце на плаву.

И перед дальнею дорогой,
В последний взглядываясь свет,
Тебя увижу я и вздрогну,
Поняв, что смерти больше нет...

Идет к концу пятнадцатый годок
От Рождества Христова третьей тыщи...
Глядишь – а там двадцатый, дайте срок,
А там и двадцать пятый где-то рыщет...

И не особо горько мне стареть
И осыпаться, как в часах песочных.
Да только жаль, что не смогу согреть
Тебя, моей любви источник!

Что не смогу тебя не потерять,
Бессильные молитвы повторяя,
И, уходя навек, с собой забрать
Хоть крохотный клочок Земного рая...

Твоя недетская серьезность,
Твой детский к жизни интерес...
Доверчивый ты мой ребенок!
Неслыханный мой дар небес!

И каждое с тобой мгновенье
Мне мнится выморочным сном,
Где и желанно, и неверно
Все, для блуждающего в нем.

И не могу остановиться,
И переполненным ручьем
Хочу с судьбой твоею слиться,
Не сожалея ни о чем...

Мне снова снится сон чудесный,
Как будто в смутном далеке
Мы бродим, и рукою детской,
Ты теплишься в моей руке.

И все в цветах, и небо сине,
И на пригорке у ручья
Мы преклоняемся, бессильны,
Влечению не отвечать...

И в этом сне – иль в дне вчерашнем? –
Вкусившие добра и зла,
Взмывали к небу души наши,
Покинув грешные тела!

То, что с нами произошло –
Я не знаю, добро или зло.
Знаю лишь – ты такая одна,
С чьей душою моя сроднена.

И чем этот ни кончится сон,
В наших душах останется он,
Словно таинств заветный алтарь,
Из любви, загустевшей в янтарь...

Мы с тобою сойтися смогли
В соучастии преступного рода –
Поедании запретного плода,
Украшения грешной Земли.

И как Ева с Адамом, наги,
Перед Богом стоим мы, потупясь,
Понимая, как тщетны потуги
Покаяний за наши грехи.

Потому что волшебствует в нас
Незабвенного плода брожение,
И невольный вдруг промельк блаженства
Различим в глубине наших глаз!

Мне воздух ворованный впрок не идет,
Становится твердым и хрупким, как лед,
И не сплетишь из него кружева,
Любовью моей где была б ты жива,
И времени ветер, дохнув с высоты,
Не шевельнет кружевные черты,
Где в прятки с природой играет судьба,
Из моего тебя сделав ребра.

Все будет хорошо, ведь я любим,
А значит, что звеня и напрягаясь,
Ты мимо пролетишь, стрела тугая,
И не сразишь меня ты, Третий Рим!

Все будет хорошо, ведь ты любима,
А значит, не останешься одна,
Когда души натянется струна
От страха перед пропастью незримой.

И стоя перед пропастью вдвоем,
И слыша где-то звон стрелы летящей,
Мы, погруженные в любовь, замрем,
В янтарном времени, навеки настоящем...

Пусть лучше дождик в феврале,
Чем снег в апреле.
Любовь, чем нелюбовь, милей
В любое время.

Над прошуршавшею в часах
Песка пустыней,
Летят ко мне твои слова
Любви простые.

И в этой сказке вдруг сойдясь
Из разных былей,
Мы в омут под названьем страсть
Идем на гибель.

Февральский дождик ледяной
Нас ловит в сети.
И сладко гибнуть мне с одной
Тобой на свете...

В пятом измерении твоей любви
Я живу, как Зорро, неуловим.
Укрываюсь мраком, путаю следы,
Гримирую клеймо висков седых.

В пятом измерении твоей любви
Я могуществен почти как царь Давид.
Ну, а тем, Ависага, кто хочет мне зла,
Ты простишь и не выцарапаешь глаза!

В пятом измерении твоей любви
Позабыл все замыслы, Дант, свои,
Славы лавр променяв и величье,
На свиданья с тобой, Беатриче!